

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 18-го Сентября 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10400.

ПЫТКА НАДЕЖДОЙ.

Рассказъ гр. Вилье-
де-Лиль-Адана.

Въ подземелья Сарагосской темницы спустился однажды вечеромъ преподобный Педро Арбуэзъ д'Еспила, шестой прорѣкъ сеговийскихъ доминиканцевъ, третій Великій Инквизиторъ Испаніи, сопровождаемый fra искупителемъ (главнымъ пытальщикомъ) и предшествуемый двумя вѣрными слугами инквизиціи съ фонарями въ рукахъ. Процессія направилась къ одной изъ самыхъ отдаленныхъ камеръ. Заскрежетала на петляхъ тяжелая дверь, и они вошли въ удушливое in расе. Свѣтъ упалъ на желѣзную цѣпь, вѣдѣянную въ стѣны, на козлы съ застекшися черной кровью, жаровню и кувшинъ. На навозной подстилкѣ сидѣлъ въ оковахъ, въ желѣзномъ ошейнике, угрюмый человѣкъ, въ ложмотьяхъ, неопределеннаго возраста.

Этотъ узникъ былъ не кто иной, какъ рабби Азеръ Абарбанель, арагонскій еврей, который, будучи осужденъ за ростовщичество и безжалостное презрѣніе къ бѣднымъ, уже много лѣтъ изо дня въ день подвергался пыткѣ. Но „ослѣплееніе его было такъ же упорно, какъ его кожа“: онъ отказывался отречься отъ своей вѣры.

Гордый своей вѣковой родословной, своими древними предками—всѣ евреи, достойные этого имени, держать своей кровью—онъ вѣль свой родъ, согласно талмудическимъ указаніямъ, отъ Отониеля и, следовательно, Иишибы, жены послѣдняго судіи Израїля: обстоятельство это служило ему большой поддержкой во время безпрерывныхъ пытокъ.

Со слезами на глазахъ отъ сознанія, что эта стойкая душа уклоняется отъ спасенія, подошелъ преподобный Педро Арбуэза д'Еспила къ затрепетавшему рабби и сказалъ:

— Радуйтесь, сынъ мой, ваши земные испытанія приходятся къ концу. Въ виду вашего упрямства, я вынужденъ былъ съ болью въ сердцѣ прѣбѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ, но моя братская задача исправленія имѣеть свои границы. Вы—безплодная смоковница, которой суждено засохнуть, быть можетъ... Богъ одинъ располагаетъ вашей душою. Безконечная милость Его, быть можетъ, останется

ПОГРЕБЕНІЕ П. А. СТОЛЫПИНА.

Выносъ гроба съ прахомъ П. А. Столыпина сановниками.

васъ въ послѣдній мигъ! Будемъ надѣяться. Бывають примѣры... Да будетъ такъ! Отдохните съ миромъ сегодняшній вечеръ. Завтра вы примите участіе въ ауто-да фе: то-есть, вы преданы будете quemadado—священной жаровнѣ вѣчного огня. Онъ сжигаетъ, какъ вамъ извѣстно, сынъ мой, медленно, и смерть наступаетъ лишь черезъ два (часто черезъ три) часа, благоларя мокрымъ холоднымъ полотенцамъ, которыя мы заботливо кладемъ на лобъ и сердце сжигаемыхъ. Васъ будетъ всего сорокъ три.

Имѣйте въ виду, что, находясь въ послѣднемъ ряду, у васъ будетъ достаточно времени, чтобы взывать къ Богу и принять это крещеніе огня, который является Святой Духъ. Надѣйтесь на освѣніе свыше и спите.

Окончивъ, донъ Арбуэзъ сдѣлалъ знакъ освободить несчастнаго отъ цѣпей и нѣжно поцѣловалъ его. Очередь была за fra укротителемъ, который тихо попросилъ у жида прощенія за муки, которымъ онъ подвергъ его въ цѣляхъ его спасенія. Потомъ его обняли вѣрные слуги инквизиціи. Поцѣлуй ихъ сквозь капюшоны былъ беззвученъ. Церемонія окончилась, и ошеломленного узника оставили во мракѣ одного.

**

Рабби Азеръ Абарбанель съ сухимъ ртомъ, съ отупѣвшимъ отъ страданія лицомъ, вначалѣ бездушно смотрѣлъ на запертую дверь „Запертую“... Слово это, тайно отъ него самого, пробудило въ его помутнѣвшемъ сознаніи какую-то неясную мечту. Оттого, что въ щели двери мелькнула передъ нимъ на мигъ свѣтъ отъ фонарей. Робкая мысль о надеждѣ, всплывшая въ его ослабѣвшемъ мозгу, всколыхнула все его существо. Онъ подползъ

къ необычайной мелькнувшей вещи! И потихоньку, съ долгими предосторожностями, просунувъ палецъ въ узкое отверстіе, притянулъ дверь къ себѣ... О, чудо! По странной случайности тюремщикъ, закрывавшій дверь, повернула ключъ прежде, чѣмъ она вошла въ каменные косяки. Замочная задвижка не вошла въ гнѣздо, и дверь осталась открытой.

Рабби рискнулъ выглянуть наружу. Въ синеватой мглѣ онъ разглядѣлъ прежде всего

полукругъ землистыхъ стѣнъ, изрытыхъ спирально ступеней. Прямо передъ нимъ на пятой или шестой каменной ступенькѣ зияла дверь въ широкій коридоръ, снизу видны были лишь первыя его арки.

Медленно двигаясь, онъ добрался до этого порога. Да, это, дѣйствительно, былъ коридоръ, но длины необычайной. Блѣдный призрачный свѣтъ освѣщалъ его. Ночники, висѣвшіе подъ сводами, бросали мѣстами синій отблескъ въ тусклый воздухъ. Въ далекой глубинѣ былъ только мракъ. На всемъ пространствѣ ни одной боковой двери. Съ лѣвой стороны отдушины, съ желѣзными рѣшетками въ углубленіяхъ стѣнъ, пропускали сумеречный свѣтъ—вечерній, судя по красноватымъ полоскамъ на каменныхъ плитахъ. И какая жуткая тишина...

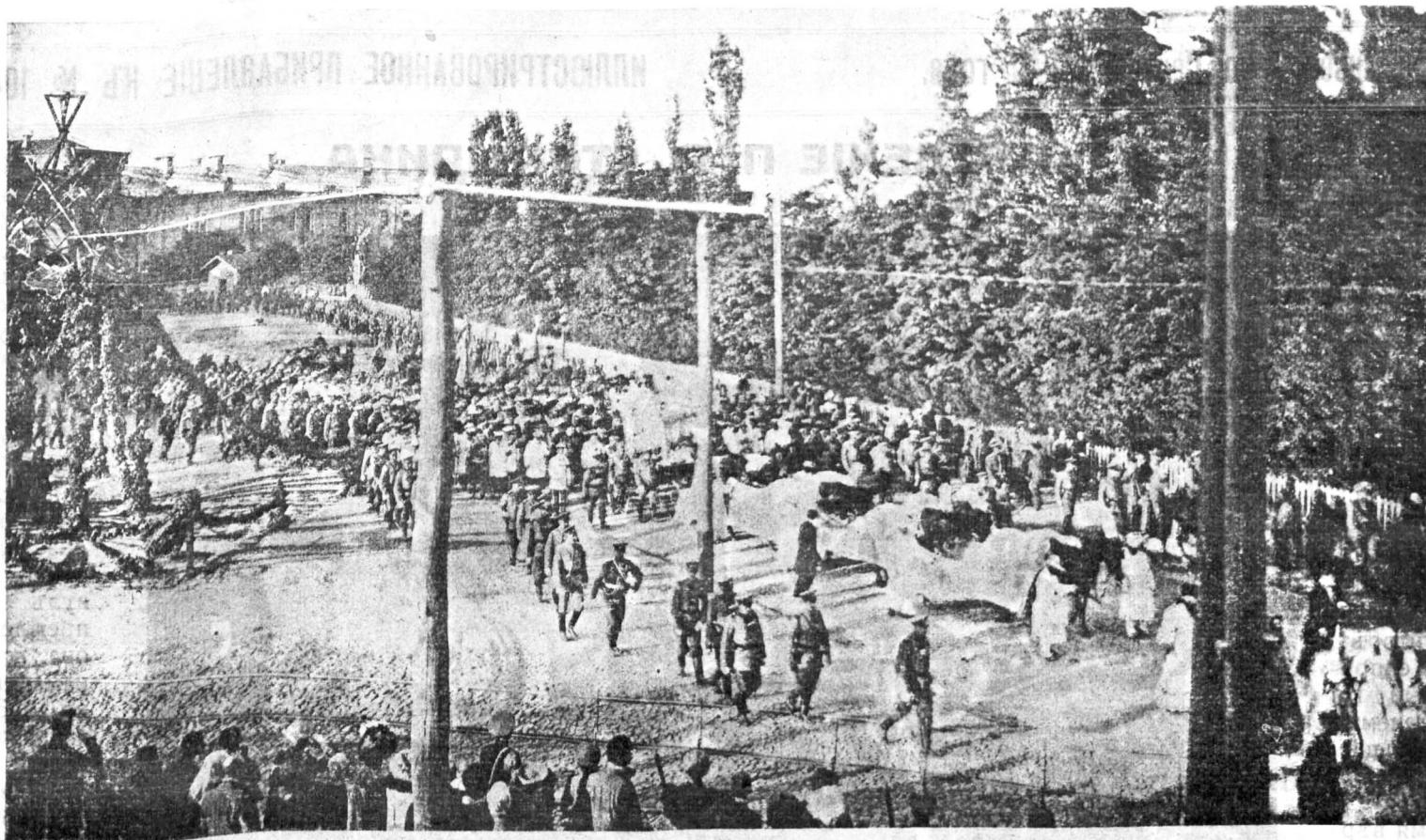
Но тамъ, въ глубинѣ этого мрака, долженъ былъ быть выходъ на свободу! Трепетная надежда еврея была цѣпка оттого, что это была послѣдняя належда.

Онъ, не колеблясь, двинулся по каменнымъ плитамъ, вдоль стороны съ отдушинами, стараясь слиться съ тусклостью длинныхъ стѣнъ. Онъ двигался медленно, влака на груди и сдерживая рвавшіеся наружу стоны отъ боли разберегаемыхъ ранъ.

Вдругъ въ каменномъ коридорѣ раздался шумъ шаговъ. Онъ задрожалъ, его душило отъ страха, въ глазахъ потемнѣло. Это конецъ, несомнѣнно! Онъ съежился, зарылся въ уголъ на корточкахъ и, полуживой, сталъ ждать.

Это былъ спѣшившій куда-то тюремщикъ. Онъ быстро прошелъ мимо съ клещами въ руки, съ опущеннымъ на лицо капюшономъ и исчезъ.

ПОГРЕБЕНИЕ П. А. СТОЛЫПИНА.

Перенос тела П. А. Столыпина

изъ лечебницы Маковского въ Киево-Печерскую лавру.

(Фот. П. М. Кутырина).

Процессія у могилі.

Испугъ, который пережилъ рабби, остановилъ въ немъ всѣ жизненные отправленія, и онъ около часа пролежалъ безъ движенія. Опасаясь увеличія муки, если его поймаютъ, онъ подумалъ уже было вернуться въ свою темницу. Но старая надежда нашепты-

вала ему въ душѣ это божественное "быть можетъ", поддерживающее людей въ самыхъ крайнихъ бѣдствіяхъ! Свершилось чудо! Не оставалось сомнѣній! И онъ сталъ опять пробираться къ возможному выходу. И двигался впередъ, измученный

страданіями и голодомъ и весь дрожа отъ тревоги! А могильный коридоръ все таинственно удлинялся. А онъ, не приближаясь къ цѣли, все смотрѣлъ во мракъ, туда, гдѣ долженъ быть спасительный выходъ.

— О! О! Опять шаги зазвучали, но на этот разъ более медленные, более тяжелые. Изъ глубины, изъ тусклой мглы выплыли черные, бѣлые силуэты двухъ инквизиторовъ въ большихъ шляпахъ съ загнутыми полями. Они тихо разговаривали, спорили, очевидно, о чёмъ-то весьма важномъ и жестикулировали.

При видѣ ихъ рабби Азерь Абарбенель закрыть глаза; сердце его убийственно стучало, лохмотья его пропитались холоднымъ потомъ агоніи. Онъ стоялъ недвижно, съ раскры-

Крестный ходъ со св. мощами вокругъ монастыря.

Въ его смятенномъ мозгу мелькнула даже мысль: „Или я умеръ уже, что меня не видятъ?“

Жуткое ощущеніе пробудило его изъ летаргического состоянія. На стѣнѣ, находившейся передъ его лицомъ, онъ увидалъ прямо передъ своими глазами два свирѣпыхъ глаза, глядѣвшихъ на него. Въ испугѣ онъ быстро, растерянно откинулся назадъ. Волосы его встали дыбомъ.. Но нѣтъ, нѣтъ... Онъ провелъ рукою по камнямъ и понялъ. Это было отраженіе глазъ инквизитора, оставшееся въ его зрачкахъ.

Въ ожиданіи очереди.

Въ чайной.

тымъ ртомъ, вытянувшись вдоль стѣны, подъ лучемъ ночника и моля Бога своего о спасеніи. Поравнявшись съ нимъ, оба инквизитора остановились подъ свѣтомъ лампы — въ силу, конечно, чистой случайности. Одинъ изъ нихъ, слушая своего собесѣдника, остановилъ глаза на рабби. Подъ этимъ взглядомъ, разсѣянного выраженія которого онъ сначала не понялъ, несчастному показалось, будто раскаленные щипцы опять рвутъ его тѣло. Онъ похолодѣлъ отъ прикосновенія одежды инквизитора, не дышалъ, изнемогая, и рѣсицы его беспомощно бились. Но, вѣнь столь же странная, сколь естественная, — инквизиторъ, очевидно, со средоточенно слушалъ, и вниманіе его поглощено было тѣмъ, что онъ долженъ отвѣтить; глаза его были недвижны и, казалось, глядѣли на еврея, не видя его.

Дѣйствительно, нѣсколько минутъ спустя, оба мрачныхъ спорщика, тихо разговаривая, медленно продолжали свой путь къ площадкѣ, откуда вышелъ узникъ: его не замѣтили!..

Президентъ Португальской республики
Мануэль-Арріага.

Впередъ! Надо было торопиться къ этой цѣли, которая (болѣзnenno, конечно) мнилась ему освобожденіемъ! Къ этой мглѣ, до которой оставалось еще около тридцати шаговъ. И онъ возобновилъ свой скорбный путь, уже быстрѣе прежняго, влакась на колѣняхъ, рукахъ, животѣ, и скоро очутился въ темной части этого ужаснаго коридора.

Вдругъ несчастный почувствовалъ холодъ на своихъ рукахъ, которыми опирался о плиты. Это была сильная струя воздуха, шедшая изъ подъ двери, у которой сходились двѣ стѣны. Ахъ! Боже! Если эта дверь открывается наружу!.. Все существо несчастнаго бѣглеца забилось надеждой. Онъ ощущалъ дверь сверху донизу, ничего не различая изъ-за темноты: ни засовъ, ни замка. Щеколда. Она подалась подъ его большимъ пальцемъ, — беззвучная дверь открылась передъ нимъ.

* * *
— Алилуя! — прошепталъ онъ, стоя на порогѣ, съ глубокимъ благодар-

нымъ вздохомъ при видѣ того, что явилось ему.

Дверь открылась въ садъ подъ звѣзднымъ небомъ, въ весну, свободу, жизнѣ! За садомъ шла деревня и холмы, извилистыя линіи которыхъ синѣли на горизонте. Тамъ было спасеніе! О! Бѣжать! Всю ночь онъ будетъ бѣжать вдоль этой лимонной рощи, ароматъ которой уже слышался ему! Онъ вдыхалъ чистый священный воздухъ. Вѣтеръ оживилъ его, легкія его воскресали. Онъ слышалъ въ облегченномъ сердцѣ своемъ *Veni foros Lazaria!* И опять, благодаря Бога за милость, которую Онъ явилъ ему, онъ протянулъ впередъ руки и поднялъ глаза къ небу. Это былъ экстазъ.

И вдругъ показалось ему, будто руки его къ нему же обернулись. Ему показалось, будто эти руки тѣни обнимаютъ, обвиваютъ его, и что его кто-то нѣжно прижимаетъ къ груди. Какая-то высокая тѣна стояла подлѣ него.

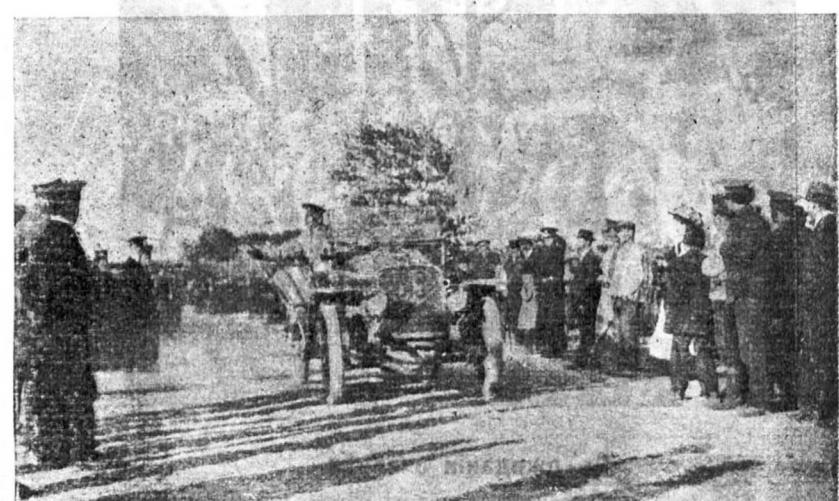
Онъ довѣрчиво перевелъ глаза на нее—и у него по-темнѣло въ глазахъ; онъ ото-

Группа русскихъ делегатовъ на международномъ конгрессѣ тюремныхъ патронатовъ въ Антверпенѣ.

Въ первомъ ряду, считая слѣва (сидятъ): редакторъ „Тюремного Вѣстника“ Н. Ф. Лучинскій, членъ патроната при петербургскомъ тюремномъ комитете баронесса Майдель, директриса Петербургскаго дамскаго благотворительного тюремного комитета Ю. Н. Данасъ, предсѣдательница патроната при Петербургскомъ дамскомъ благотворительномъ комитетѣ С. П. Бельгардъ и директоръ московскаго мужскаго благотворительного тюремного комитета Л. М. Метцль. Во второмъ ряду, считая слѣва: директоръ Петербургскаго мужскаго тюремного комитета баронъ Р. К. Майдель, проф. Варшавскаго университета В. А. Гагенъ, проф. Казанскаго университета А. А. Понтиковскій, проф. Московскаго университета С. В. Позднышевъ, чиновникъ особыхъ поручений при министрѣ юстиціи Е. С. Рахилинъ-Румянцевъ, членъ Николаевскаго общества патроната Н. П. Руденко, Петербургскій мировой судья по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ Н. А. Окупень и киевскій помощникъ присяжнаго повѣренного Зайцевъ.

Автомобильный пробѣгъ Петербургъ-Севастополь.

я вспоминаю о томъ, какъ (они же гости) якотъ дѣлалъ на машинахъ свою прогулку по дорогѣ однажды. Я же, будто бы, уѣхалъ, задрожалъ, забился, вздувая щеки и застонавъ отъ ужаса...

...Онъ былъ въ объятіяхъ самого великаго инквизитора, преподобнаго Петро Арбуэза д'Еспила, который смотрѣлъ на него глазами, полными слезъ, какъ добрый пастырь, нашедшій вновь свою заблудшую овцу!

Темный монахъ такъ горячо прижалъ къ себѣ несчастнаго, что концы его иноческой власяницы сбились подъ рясой. И въ то время, какъ рабби Азерь Абарбанель, съ закатившимися глазами, хрюпѣлъ отъ ужаса въ объятіяхъ дона Арбуэза и смутно догадывался, что всѣ фазисы этого рокового вечера были лишь предусмотрѣнной пыткой, пыткой надеждой... Великий Инквизиторъ съ мучительнымъ

укоромъ и скорбнымъ взоромъ шепталъ ему на ухо, дыша на него горячимъ и испорченнымъ отъ постовъ дыханіемъ:

— Что вы, дитя мое! Наканунѣ спасенія, быть можетъ... вы хотѣли покинуть насъ! („У. Р.“)

СМѢСЬ.

Домашняя жизнь англійскаго короля.

Король англійскій очень тяготится придворнымъ этикетомъ и, по его словамъ, чувствуетъ себя сносно только въ замкѣ Бальмораль, гдѣ, откинувшись

въ сторону всякую пышность, живеть простымъ помѣщикомъ, проводя цѣлые дни среди дикихъ скалъ и лѣсовъ Бальморала, занимаясь охотой и ужеваньмыбы.

Въ Бальморалѣ король встаетъ обыкновенно въ пять часовъ утра и, позавтракавъ двумя маленькими чашками кофе и кускомъ поджаренаго хлѣба, садится въ сопровожденіи двухъ - трехъ своихъ личныхъ друзей въ коляску, запряженную пони, или моторную каретку и уѣзжаетъ на цѣлый день въ горы.

Провизія для обѣда на свѣжемъ воздухѣ посыпается на особомъ моторѣ въ заранѣе указанное время.

Дѣбиться отъ короля приглашенія въ Бальморалѣ считается великой честью, и не многіе придворные могутъ похвалиться подобной удачей.

Всѣ приглашенные будутся до восхода солнца, и за завтракомъ король постоянно говоритъ:

— Кушайте, кушайте, но

только по-скорѣй, нечего терять золотое время!

Вообще король очень умѣренъ въѣдѣ и за вторымъ завтракомъ есть 2-3 сандвича съ сыромъ и выпиваетъ бутылку пива, затѣмъ одна, а то и двѣ сигаретки одна за другой, и его величество весель на цѣлый день.

Какъ правило, второй завтракъ приготовляется королевой собственноручно, и она въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ прѣѣзжаетъ угостить охотниковъ.

